18+

Жак Маттер

Критическая история гностицизма и его влияния

Том 3

Жак Маттер

Критическая история гностицизма и его влияния. Том 3

«Издательские решения»

Маттер Ж.

Критическая история гностицизма и его влияния. Том 3 /
Ж. Маттер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656303-2

В третьем томе добавлены восьмая и девятая книги, чтобы проследить следы гностицизма вплоть до диссидентских сект Средневековья, где эта система принимает весьма любопытные формы. Эти две книги завершают историю гностицизма и доводят её до того момента, до которого разумно её прослеживать. Им пренебрегали в эти века, чтобы вернуться к нему в другие времена, в современную эпоху, в трудах Якоба Бёме, Шеллинга и Гегеля.

ISBN 978-5-00-656303-2

© Маттер Ж.
© Издательские решения

Содержание

Книга VIII. О влиянии гностицизма на другие религиозные и философские учения первых шести веков христианской эры 6
Глава 1. Классификация доктрин и школ 6
Глава II. Христианские школы. – Православные школы 7
Глава III. Раскольничьи школы Церкви. – Назареи и эбиониты 9
Глава IV. Элксаиты 12
Глава V. Учение Клементинов 13
Глава VI. О докетизме 15
Глава VII. Школы либертинов, николаиты. – Агапеты 17
Глава VIII. Аскетические секты. – Энкратиты и монтанисты 20
Глава IX. Спекулятивные школы. – Теодотианцы. Алогиане. – Праксеаты. – Ноэтиане. Сабеллиане. Ариане 25
Глава X. Аскетико-видовые школы. – Манихеи. – Теоретические принципы 29
Глава XI. Продолжение. – Практические принципы. – Учреждения. – Продолжительность 35
Глава XII. Присциллианисты 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Критическая история гностицизма и его влияния Том 3

Жак Маттер

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жак Маттер, 2025
© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-6303-2 (т. 3)
ISBN 978-5-0065-4448-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Критика гностицизма и его влияния на религиозные и философские доктрины первых шести веков христианской эры.

Книга VIII. О влиянии гностицизма на другие религиозные и философские учения первых шести веков христианской эры

Глава 1. Классификация доктрин и школ

Гностики, в своих различных школах и различных направлениях, находились в более или менее непосредственном контакте со всеми известными сектами своего времени, христианскими школами и иудейскими школами, политеистическими школами восточного мира и политеистическими школами греческого мира. Мы должны взглянуть на эти отношения, чтобы оценить гностицизм во всей его силе; но мы не собираемся раскрывать различные системы этих четырех групп школ; мы можем говорить только о тех их принципах и теориях, которые предлагают аналогию с гностицизмом. Простой перечень сторон, которые нам придется обсуждать в ходе исследования, покажет, насколько кратким должен быть этот обзор.

Первая группа: христианские школы. Они делятся на ортодоксальные и раскольничьи.

К последним относятся эбиониты, назареи, элксаиты, докеты

докеты, анкральтиты, монтанисты, манихеи, агапеты, прискиллиане, николаиты, праксеаты, алогиане, сабеллиане, ариане.

Вторая группа: иудейские школы. Это школы иудеев и самаритян. Третья группа: политеистические школы Востока. Это гипсистарийцы и мандаиты.

Четвертая группа: политеистические школы греческого мира. Это прежде всего поздние греческие школы, связанные с гностицизмом.

Глава II. Христианские школы. – Православные школы

В нашем веке есть ученые, которые исследуют влияние гностицизма на доктрины ортодоксальной школы; мы не собираемся ни отрицать, ни утверждать его в тех же пределах, что и наши предшественники; мы понимаем его по-другому, и считаем, что прежде всего следует объяснить используемые слова. В самом деле, говорим ли мы о мнениях, полученных ортодоксальной Церковью от гностицизма, или о доктринах, которые гностики и ортодоксы черпали бы, независимо друг от друга, из общих источников; или, наконец, об определенных тенденциях к мистицизму и определенных претензиях на теософию, которые общий дух века утвердил бы в лоне христианских школ так же, как и в лоне гностических школ?

Как мы видим, между этими тремя вопросами существует глубокая разница, и мы искренне сожалеем, что те современные историки, которые больше всего занимаются христианской школой Александрии и тем, что называется христианским гностицизмом, не провели четкого разграничения между этими вопросами. В наши намерения не входит, несмотря на обращение к нам по этому вопросу, составить историю христианского гнозиса и показать, путем специального анализа работ нескольких ортодоксальных писателей, насколько глубоким было влияние гностицизма на их систему. Во-первых, ни наш исследовательский план, ни наши пристрастия не привели нас к этой работе. Во-вторых, мы не признаем никакого подобного влияния. Христианские школы первых веков боролись с гностицизмом так энергично и искренне, что не отдали должное ни одной из его общих теорий. Римские школы с ужасом отвергали их все. Африканские школы, судя по Тертуллиану, должны были придерживаться того же направления. Однако некоторые мнения Арнобия показывают, что это было не совсем так. Жители Малой Азии думали так же, как жители Италии и Латинской Африки. Греческая Африка и Сирия были более терпимы и играли большую роль в мистицизме того времени. Они были лучше подготовлены троичным мистицизмом иудейско-восточной, филоновской и неоплатонической школ. Более того, несмотря на предупреждение святого Павла о ложном названии гнозиса, многие христианские врачи поддались его соблазнам, в соответствии с общими тенденциями того времени, поскольку в ряде священных текстов истинный гнозис, наука, был объявлен драгоценностью… Поэтому справедливо будет сказать, что язык некоторых наиболее ортодоксальных писателей носит явные следы гностицизма.

С. Климент Александрийский определяет истинных христиан как истинных гностиков. Он противопоставляет πίσις γνῶσις, как и самих гностиков, и чтобы показать, что христиане. единственные, кто серьезно заслуживает звания гностиков, он заимствует язык этой партии, как Св. Иоанн заимствовал язык платонической и восточной теософии для изложения апостольской ортодоксии. Фактически, он привносит в догматику Церкви некоторые рассуждения и образы гнозиса. В своих «Строматах» он часто называет христиан высшей учености гностиками; он рекомендует им гностическую жизнь, βίος γνωσικὸς, истинными образцами которой были, по его словам, Иисус Христос и апостолы[1]!

Евсевий также принимает слово Γνῶσις в самом почетном смысле, в смысле чистой и небесной науки, христианского откровения; по его словам, именно Иисус Христос передал Γνῶσις своим апостолам[2].

Православный автор первых веков, который использует язык и идеи гнозиса еще более удивительным образом, – это епископ Синезий. Прежде всего, именно полностью гностический принцип он вкладывает в свой первый гимн[3], который мы сделали эпиграфом к этой

[1] Lib. IV, p. 488, ed. Sylb.

[2] Euseb. Hist. eccles., lib. II, 6. 1, cf. Valesii annot.

[3] Vers 75.

работе. Затем этот же гимн содержит несколько других. Если судить по нескольким выражениям и образам, то может возникнуть соблазн принять весь этот гимн за сочинение валентинианца или маркосианца. Ведь маркосианцы говорили, что нужно проникать в каждого и не позволять никому проникать в себя.

Синезий говорит: «Нужно вести безвестную жизнь, я имею в виду безвестную по отношению к другим, но хорошо известную у Бога!!!». Те же сектанты дали первым началам вещей имена ἑνότης и μονὰς.[4] Синезий говорит в этой песне о монаде и единстве: ἑνό] ῆ] ων ἑνὼς ἀάγνὴ, μονάδων povès τε πρώτη. Все, что Синезий говорит о происхождении души, спустившейся в материю, ее заключении во тьме, привязанности к земле, различных классах душ или ангелов, их возвращении в места своего происхождения, могло бы сойти за чистый гностицизм (ст. 80 – 135). Большинство других од ученого епископа Птолемаиды, который так долго следовал александрийским школам и поддерживал столь тесную переписку с одним из самых прославленных философов этих школ, Гипатией, дочерью Теона, также наполнены теориями и выражениями, знакомыми гностикам.[5]

В строфах второй мы встречаем демонов, населяющих черное царство тьмы, бога-отца и мать, мужчину и женщину, объединение которых заняло бы еще один, интерес. На самом деле, если мы спросим, какое влияние оказали гностики и их учение на сочинения, исследования и научное развитие ортодоксальной доктрины, мы должны будем признать очень большое влияние. Несомненно, что теории, брошенные гностиками в лоно христианства, привели докторов Церкви к ряду специальных исследований, исследований философии и теогонии, исследований филологии и археологии, греческой или восточной, исследований, влияние которых на христианские школы Сирии и Египта, если не Рима и Карфагена, не поддается исчислению.

Также несомненно, что некоторые из наиболее значимых работ, оставленных нам лучшими писателями первых веков, были спровоцированы гностицизмом. Есть ряд трудов, которых мы не имели бы без гностицизма. У нас не было бы почти ничего от Иринея, Феодорита, Епифания. Мы бы упустили значительную часть работы Оригена против Цельса и самые прекрасные страницы «Стромат» Климента Александрийского. Мы были бы лишены восхитительных работ Тертуллиана, Du Scorpiaque, в которой он борется с гностическим учением о мученичестве, трактата против маркионитов, De l'ame, в котором он опровергает психологию гнозиса, и De Carne Christi, в которой он борется с докетизмом. Я не говорю о большом количестве латинских авторов, чьи труды также были спровоцированы гностицизмом и которые бросили в лоно латинской церкви множество идей и фактов, которые без этого обстоятельства не занимали бы ее мысль. Теперь я перехожу к раскольническим школам.

[4] Βιόην ἄσημον ἑλκεῖν, τα μὲν ἐς ἄλλους ἄσημο, τα δὲ πρὸς ϑεον ἐῖδότα. Hymn., 1, v. 30.

[5] Vers 50 et suiv. Cf. oὗ. , ו 90, v. 87.

Глава III. Раскольничьи школы Церкви. – Назареи и эбиониты

Как мы знаем, некоторые из этих школ настолько мало отличались от церковных, что их едва ли можно от них отличить; другие же, напротив, отошли от них настолько, что их едва ли можно с ними связать. Поговорим сначала о первых – назарянах и эбионитах.

Из священных документов о первобытной Церкви мы видим, что среди самих основателей существовали некоторые расхождения, а следовательно, и большая свобода действий в вопросе о более или менее обязательном характере иудейских обрядов и установлений. Многие христианские семьи, еще не воспринявшие новую религию во всей ее чистоте, в ее независимости от местных предписаний мозаицизма и в ее вселенском характере, по привычке и недостатку просвещения сохраняли некоторые древние мнения и обычаи. Поначалу они не отвергали и не изменяли ни одной части христианского учения. Но с течением времени и по мере того, как с ними боролись, они укреплялись в своем несогласии; их оппозиция становилась все более открытой; они становились все более независимыми от Церкви, которая начинала становиться все более доминирующей. В процессе некоторые из них образовали своего рода союз с другими диссидентскими обществами, особенно с гностическими школами.

Такова была судьба эбионитов и назаретян.

Назаряне были, по сути, первыми христианами. Они получили свое название, оскорбительное в устах их противников, но почетное в их глазах, от Назарета, места рождения их основателя. Они были иудеями по происхождению и сохранили привязанность к иудаизму, как и к своему титулу, когда язычники Антиохии, обращенные апостолами, приняли титул христиан, отвергнув вместе со святым Павлом все, что было переходным в установлениях Ветхого Завета. Поначалу они сохраняли, вместе со всеми христианскими догмами, чувства истинного братства. Но, начиная со второго века, мнение ортодоксов о них изменилось. В то время они уже считались фракцией внутри христианства и отличались особым Евангелием. Вскоре, когда гностицизм окреп в среде христианского общества и основал свои школы, они еще больше отдалились от догм большинства.

То же самое произошло и с эбионитами, которые имели схожее происхождение, если не образовали одну и ту же секту. Несомненно то, что у них никогда не было лидера по имени Эбион; что они получили название [эвиониты], бедные, из оскорбления, и что они сделали этот эпитет термином славы для себя, как назареи сделали его для себя из другого оскорбления. Похоже, что в одном регионе Палестины преобладало одно, а в другом – другое из этих названий, и что в основном эти два названия относились к одной и той же школе. По крайней мере, эбионитов и назареев часто путали друг с другом.

Первый факт, доказывающий, что они вскоре последовали за гностиками, заключается в том, что они, подобно им, создали себе особое Евангелие и отвергли все остальные.

Некоторые гностики предпочитали Евангелие от Иоанна, другие – от Луки, третьи – от Матфея. Назаряне и эбиониты придерживались последнего. Однако их Евангелие не было Евангелием от Матфея в том виде, в котором мы его имеем. Это был сборник, в основу которого легли эти священные повествования, но который отличался от них в деталях и который в первые века был известен как Евангелие Евреев, то есть христиан-иудаистов. 1

Оно было написано от имени двенадцати апостолов и содержало ряд событий и речей, которые традиция сохранила в Палестине лучше, чем в других местах.

У нескольких писателей первых веков нашей эры мы находим цитаты из Евангелий, которые в большинстве своем не согласуются с нашими каноническими Евангелиями; похоже, что они были взяты из Евангелия от Евреев. Юстин Мученик, уроженец Палестины, похоже,

не знал другого Евангелия, кроме этого, то же самое можно сказать о Папиях и святом Игнатии[6].

Это Евангелие, которое, как мы видим из только что приведенных фактов, было чистым и благочестивым, эбиониты, похоже, переработали для своего собственного использования, поскольку они дистанцировались как от православных, так и от назареев. С. Епифаний сохранил для нас фрагмент этой новой версии столь древнего текста[7]. Юстин Мученик приводит другие, а Строт собрал довольно большое количество у этого писателя. Строт считает, что Евангелие от Евреев идентично Евангелию эбионитов. Гроций и Грабе уже верили в эту идентичность, которая с тех пор подвергалась нападкам и защитам, но которую уже невозможно признать.[8]

Как бы то ни было, фрагменты, сохраненные Юстином Мучеником и С. Епифания, представляют особый интерес. Они касаются именно тех двух событий в жизни Иисуса Христа, которые гностики чаще всего приводили в поддержку своих гипотез: его прибытие в Капернаум, которое они считали его входом в мир, входом, который, по их словам, был внезапным и неожиданным для всех, и крещение на Иордане, которое, по их мнению, было моментом соединения небесного Христоса с человеком Иисусом.

Церинф и Карпократ, которые также пользовались Евангелием от Евреев, находили в приведенной в нем генеалогии доказательство того, что Иисус был чисто человеческого происхождения.

Эбиониты же, более верные примеру других гностиков, вычеркнули всю эту генеалогию, хотя и исповедовали ту же догму. Фактически они приняли Спасителя за простого сына Иосифа и Марии, в то время как назареи оставались в согласии с ортодоксами относительно происхождения Иисуса Христа.

В своем суждении о святом Павле, лидере антииудаистского христианства, эти две группы сблизились. Они отвергали его как противника Моисеева закона. Этот закон был единственной дверью, через которую, по мнению эбионитов, язычники могли войти в святилище христианства, а по мнению назаретян, он должен был оставаться неизменным для всех потомков Израиля. Поэтому обе стороны отвергали все послания святого Павла: они, мол, были написаны не для них, потому что были опубликованы на чужом для них языке.

В этом они существенно отличались от гностиков, которые привязались к Павлу как к антииудаистскому врачу, хотя и почитали свои тайные традиции больше, чем его произведения.

Борясь с Св. Павла как антииудаистский, назареи, просто примыкавшие к мозаицизму, отвергали традиции более поздних времен, а эбиониты также предпочитали таинственные соблюдения аскетизма ессеев этим сухим рассуждениям о законе. И те и другие со всей силой своих наследственных предрассудков держались за древние надежды на тысячелетнюю империю Мессии, за этот хилиазм, против которого боролось большинство гностиков и на который вместе с иудеями надеялись некоторые из главных врачей первобытной Церкви.

Мы знаем, что в этом прекрасном сне, который породили неправильно понятые священные тексты, следует различать христианскую и иудейскую части. Согласно христианской части, основанной в основном на Апокалипсисе, с началом этого царствования новый Иерусалим, построенный из золота и драгоценных камней, должен был сойти с небес на землю и собрать в своих счастливых дворцах всех верующих, которые были заняты празднованием божественного величия.

---

[6] Stroth, in Eichhorn, Repertorium für biblische Litt, I, p. 10.

[7] Epiphan, Haeres, XXX, n. 13.

[8] См. Фабриций, Codex pseud-epigr. t. II, p. 532. – Gieseler, Entstehung, etc., der schriftlichen Evangelien; Leipzig, 1818, p. 8.

Согласно иудейской части этой мечты, основанной главным образом на пророчествах Исайи, народ Израиля, так долго угнетаемый, но в конце концов воскрешенный своим Спасителем, с которым он придет царствовать в Иерусалим, должен был стекаться туда из стран рассеяния, восстановить храм во всем его великолепии и праздновать там Моисеев культ во всем его великолепии. Народы, обреченные быть лишь рабами истинных израильтян, должны были со смирением выйти навстречу своим правителям, привезенным на конях, колесницах, повозках и дромадерах[9]. Они предложат им верблюдов, нагруженных золотом из Мадиама и благовониями из Саввы, дары и жертвы, собранные со всех концов для приношений и жертвоприношений в Храме. Ворота Иерусалима больше не будут закрываться ни днем, ни ночью, чтобы впустить все эти сокровища, и вскоре богатство будет таким, что золото и серебро заменят железо и медь. Вместо работы будут постоянные удовольствия, пиры и банкеты. Даже свирепые животные не откажутся от своей кровожадности, ибо волк и ягненок будут пастись бок о бок.

Таковы были надежды, не типологические, а реальные, всех добросовестных иудеев и всех иудаизирующихся христиан первых веков.

Особенно это касалось эбионитов и назареев, и здесь они были гораздо ниже гностиков, которые боролись с хилиазмом с помощью спиритуализма, который они могли бы с гордостью рекомендовать своим противникам всех классов, если бы не довели его до пантеизма.

В целом эбиониты и назареи дистанцировались от гностиков во всем, что касалось иудаизма. Они приняли весь сборник Ветхого Завета, приняли его ангелологию и антропогонию; соответственно, они отвергли эоногонию и антропологию гностиков.

Однако в более поздние времена, когда все эти диссидентские школы, напуганные общими гонениями, объединились, чтобы укрепиться, эбиониты приблизились к гнозису, объединившись с третьей иудаистской сектой – элксаитами, самой гностической из всех.

[9] Исаия, гл. LX – LXVI.

Глава IV. Элксаиты

Елксай, христианин-иудаист, образовал партию в царствование Траяна[10], если верить С. Епифанию; или немного позже, если предпочесть мнение Оригена[11]. Епифаний; или немного позже, если мы предпочитаем мнение Оригена; в любом случае, во время этих великих спекулятивных волнений, которые породили так много других школ. Вероятно даже, что Елксай занимался не более чем сбором обломков школы Фивутиса, иудаизирующего христианина, основавшего небольшую иудейско-гностическую секту[12]. Фивутиса иногда ставят в один ряд с Симеоном, Клеобием, Досифеем, Горфеем и Масботеем, лидерами нескольких сект, обломки которых стали путать с обломками гностиков. Фебутис, стремившийся к епископату, по-видимому, сохранил большую привязанность к христианству, а Елксай, вероятно, лишь возродил угасающую партию.

Как и у гностиков, у них были апокрифические книги. По их словам, упавший с неба том даровал прощение грехов тем, кто в него верил. Это прощение, утверждали они, превосходило прощение религии Иисуса. В данном томе, несомненно, содержалась вера высшего Христа, гнозис, наука посвященных, которая освобождала этих пневматиков от грехов, под которыми стонет совесть вульгарных людей. [13]Эльксайты также приняли промежуточный мир семи духов, который гностицизм позаимствовал из догм и сидерической теогонии Персии и Египта, но они изменили эту теорию. Для них она была полностью мистической. Их джины назывались Небо, Вода, Дух, Святые Ангелы Молитвы, Масло, Соль и Земля.

Дух, ангелы молитвы, масло и соль относятся к духовному порядку вещей. Дух или Пневма – дар Плеромы. Ангелы приводят человека в связь с Плеромой, донося до нее его молитвы.

Масло и соль – эмблемы общения с Пневмой.

Что касается джиннов Неба, Воды и Земли, то они принадлежат к совершенно иному порядку вещей: это космогонические силы.

За неимением памятников мы не знаем, как использовали эти теории элксаиты, но нам известно, что они оказали большое влияние на эбионитов. Некоторые из последних приняли идею, что Иисус Христос был не кем иным, как Адамом, первобытной эманацией духа Божьего и типом пневматической расы человечества; что он появлялся в мире время от времени, и что он пришел сюда в последний раз в лице Мессии. Другие считали, что Христос – это Пневма, которую человек Иисус получил при крещении, что было очень гностическим мнением.

Как и все секты, иудаистские школы постоянно изменяли свои доктрины и таким образом разделились на различные ветви. Их преобразования объясняют, почему Ириней, Иустин Мученик, Ориген, Епифаний и Иероним отличаются друг от друга. Иероним отличается друг от друга тем, как они изображают себя в разное время.

Однако мы располагаем более полной, чем у них, информацией о доктринах этой школы; в этом отношении у нас есть несколько любопытных текстов – «Климентины».

[10] Епифан, Харес, XXIX, с. 1.

[11] Apud Euseb. Hist. ecclesiae, VI, с. 38.

[12] Routh, Reliquiae sacrae, t. I, p. 199

[13] Eusebii Historia ecclesia, VI, 38.

Глава V. Учение Клементинов

Апокрифическое произведение, обычно приписываемое святому Клименту Римскому, «Клементины» или «Признания» кажутся работой эбионита, который был приверженцем гнозиса.

Однако с самого начала следует добавить, что мистицизм гнозиса настолько преобладает в этом сборнике, что он далек от примитивного эбионитизма, и с некоторыми основаниями предполагается, что «Климентины» были работой гностической партии или школы.

Действительно, некоторые историки зашли так далеко, что выдвинули эту гипотезу. Однако было бы странно, если бы наряду с известными эбионитами существовала партия или школа неизвестных эбионитов, чье имя оставалось абсолютной тайной даже для их современников.

Это говорит о том, что в Клементинах стоит видеть работу одного человека, теософа, вышедшего из рядов эбионитов и более других знакомого с теориями гнозиса, но теософа, который не основал секту и ограничился тем, что оставил нам своего рода догму или полемику.

Его теории любопытны. Преобладающий мистицизм настолько христианский, что его нельзя считать истинным гностицизмом. Однако автор склоняется к гнозису гораздо больше, чем любой из ортодоксальных писателей, которых мы упоминали как друзей гностического языка.

Прежде всего, он, похоже, изучал систему Симона Мага или учеников этого теософа, противником которого он, к тому же, является. Симон Самарянин в его глазах – язычник, но он разоблачает теории этого врача, как и теории Церинфа, хотя и не разделяет их тенденций.

На основании некоторых аналогий было сделано предположение, что «Климентины» вполне могли быть делом рук какого-то самозванца, который одолжил, если не церинфянам, то, по крайней мере, симонианам, доктрины Маркиона. Но что должно сделать эту гипотезу, одну из наиболее легко импровизируемых в определенных регионах, малоценной, так это то, что автор, выдвигающий ее, одновременно заявляет, что «Клементины» – работа эбионита и что они согласуются с теориями маркионита Аппелла, который, по выражению святого Иренея, из ученика Маркиона стал реформатором его доктрины.

Дело в том, что это сочинение – просто работа иудаизирующего христианина Римской церкви, который много изучал гнозис, сначала у св. Климента Александрийского и, несомненно, Филона, затем в трудах симониан и церинфиан и, наконец, в трудах гностиков, особенно Маркиона. В итоге он принял некоторые основополагающие идеи гностицизма, но не смог отказаться от своих наследственных предубеждений против политеистических элементов гнозиса и решил бороться с ними и защищать иудаизм, который, как ему казалось, игнорировался не только малоазийской, но и египетской школой.

Если в «Строматах» св. Климента Александрийского мы имеем сочинение, в котором чистое христианство лучше всего противопоставляет христианский гнозис египетскому гнозису, то в «Признаниях» так называемого св. Климента Римского мы имеем сочинение, в котором чистое христианство лучше всего противопоставляет христианский гнозис египетскому гнозису. Климента Римского, произведение, в котором иудаизирующее христианство наиболее энергично противостоит политеистическому гнозису вообще. Однако лже-Климент Римский так же далек от своего александрийского тезки в плане чистоты учения, как и в науке, поскольку он признает некоторые фундаментальные теории гностицизма, например, теорию сизигии.

Но его основной целью было показать, что истинное христианство – это иудаизм, и что Маркион был неправ, борясь с ним.

Его целью было опровергнуть Маркиона так же, как святой Петр опроверг Симона.

Поэтому главная цель Клементинов – представить С. Петра и Симона в различных встречах и воспроизвести споры между апостолом и магом. Петр и Симон в различных встречах, а также воспроизвести споры, которые происходили между апостолом и магом.

Из того, что автор придумывает ряд бесед и разговоров между этими двумя персонажами, любители гипотез сделали вывод, что все, что он говорит о Симоне и его учениках, в большей или меньшей степени относится к Маркиону и его ученикам, и что не было никакой секты симониан по той причине, что С. Иреней провозглашает Симона лидером всех ересей[14], что Симон – это своего рода мифологический персонаж, и что его Елена – это Ахамот, Астарта или Далила.

Не было учтено, что в этом случае святой Петр в свою очередь стал, в глазах автора Климентинов, аналогичным персонажем, и что указания святого Иринея, святого Иустина Мученика [не говоря уже о показаниях святого Епифания, которые относятся к другой категории] не оставляют сомнений относительно Елены и Симона. Теперь эти свидетельства предшествуют свидетельствам Климентинов, которые также не оставляют у разумного критика сомнений в личности или доктринах Симона.

Что лучше всего характеризует взгляды автора «Признаний», так это его любовь к иудаизму, который для него является христианством. Затем – его ненависть к многобожию, которое является просто фатализмом или доктриной случая.[15] И наконец, его римское пристрастие к монархическому управлению Церковью и то значение, которое он придает пророчествам Ветхого Завета и церемониям Нового. В этом он дистанцируется как от гностиков, так и от Симона Мага, который в его глазах был типом самого опасного политеизма, и которого он, конечно же, не путал с Маркионом.

[14] Adversus heresy, I, 27, 4.

[15] Hom, IV, 12, 13; XIV, 25; XV, 4.

Глава VI. О докетизме

Иудейские доктрины так глубоко запечатлелись в умах людей и так тесно связались с первыми элементами гностицизма, что мы не удивляемся, видя, как они в разных формах возникают в лоне Церкви и смешиваются в большей или меньшей степени с тайнами гнозиса. Помимо элксаитов, эбионитов и назаретян, первые века предлагают нам объединение или, по крайней мере, систему, которая, похоже, испытала влияние как иудаизма, так и гностицизма. Это школа или доктрина докетов.

Докеты, как мы уже видели, столь же древние, как и гностики. Их мнение о человеческой природе Иисуса Христа составляет одну из самых постоянных теорий гнозиса и тесно связано с пневматологией, принятой евреями после изгнания.

Согласно этой доктрине, Разумы высшего мира слишком чисты и враждебны материи, чтобы желать объединиться с ней. Поэтому, появляясь среди людей, они лишь принимают облик человеческого тела. Иисус Христос, Разум первого порядка, не отступал от этого принципа, и было бы унизительно путать его с материей, признавая, что он позаимствовал ее покров.

Поэтому докеты рассуждали так из благочестия и почитания автора христианства. Но их противники, ортодоксы, боролись с ними за основополагающий догмат – воплощение. С этого момента они должны были обвинять их в отречении или, по крайней мере, в расколе. Докеты были далеки от этого. Однако, поскольку св. Павел и св. Иоанн обличали их как лжеучителей, они были вынуждены отречься от своей системы или создать партию. Некоторое время школы Симона и Менандра с их различными отделениями, по-видимому, давали убежище некоторым из них. Другие примыкали к христианам антиохийской или иерусалимской общин, к этим двум типам – иудаизирующим христианам и христианам-универсалистам. Но, наконец, в середине второго века нашей эры, в то время, когда внезапно возникли великие гностические школы, докеты образовали особую секту. В то время их лидерами стали Кассиан и Маркиан, а позже эти два врача стали считаться их основателями[16].

Докетизм был более древним, но мы можем полагать вместе со св. Климентом Александрийским, что докеты не составляли ранее особой секты. Действительно, Феодорит, кажется, очень хорошо указывает на их истинный возраст, ставя их во главе всех диссидентов и опровергая их доктрину как примитивную ошибку.

Докеты, однако, играли лишь второстепенную и почти незаметную роль. Похоже, что они вскоре затерялись в рядах

ортодоксов или гностиков. Что касается первых, то они расходились в самых фундаментальных догматах: воплощение, реальная смерть, искупление грехопадения и греха, искупление и воскресение тела; эти различия были слишком велики, чтобы способствовать объединению. Что касается последнего, то, хотя докеты приняли лишь чисто феноменальный облик Христа и наделили себя апокрифическим Евангелием[17], они не разделяли наиболее существенные доктрины гнозиса – рассуждения о Плероме и ее эонах.

Поэтому они не могли объединиться ни с гностиками, ни с ортодоксами, за исключением тех случаев, когда они становились неверными своей школе.

Из всех ветвей гнозиса только маркиониты предлагали им простоту, которую они любили в своих догмах, и именно с маркионитами они, по-видимому, слились, прежде чем стали объ-

[16] Клеменс Александр, Стром, III, с. 13.

[17] Теория святого Петра. Евсевий, VI, с. 12.

ектом общих преследований.[18] Таким образом, иудаистские тенденции породили в лоне христианства две совершенно разные теории.

Один, о его чисто человеческом происхождении, – эбионитизм; другой, о его чисто божественном или пневматическом появлении, – докетизм. Оба они встречаются в различных гностических школах. Но поскольку не гностицизм привел их к иудаизму, а иудаизм привел их к гностицизму, мы наблюдаем здесь не столько влияние, сколько взаимосвязь.

Были ли у неиудаистских сект христианства подобные отношения с гностиками? Именно это мы и собираемся рассмотреть.

Эти секты можно разделить на два класса: одни были более практичными, другие – более умозрительными. Мы поговорим сначала о первых, которые, в свою очередь, можно разделить на два класса: школы либертинов и школы аскетов.

[18] J. E. Ch. Schmidt, Kirchengeschichte, t. I, p. 158. Ср. Beausobre, Histoire du manichéisme, I, p. 377. Arat. Niemeyer, De Docetis, комментарий, p. 44.

Глава VII. Школы либертинов, николаиты. – Агапеты

Колыбелью либертинских школ гностицизма был город Александрия и их общий лидер Карпократ. Именно с ним, по сути, связаны так называемые гностики, и именно к его принципам можно отнести все типы атактитов.

Эти принципы, по-видимому, были заимствованы гностиками у николаитов и переданы Агапетам.

Назвав николаитов одной из сект, которые своим происхождением способствовали утверждению гнозиса, мы сказали, что впоследствии нам придется рассматривать их как одно из обществ, подвергшихся влиянию утвердившегося гностицизма[19]: мы должны рассмотреть их с этой точки зрения.

Первоначально николаиты не имели с гностицизмом ничего общего, кроме принципа противостояния закону брака и своего рода разнузданности, связанной с некоторыми доктринами теософии. Позже они официально исповедовали тезис о том, что тело должно предаваться всевозможным сладострастным удовольствиям, чтобы освободить душу от законов и оков телесного мира. Это мнение слишком совпадает с теориями симониан, карпократиан, продиктиан и атактиан, чтобы мы не были вынуждены поверить, что николаиты вступали с ними в более или менее близкие отношения, какими бы малоизвестными они ни были.

С ними, как бы мало они ни были известны. С. Иреней приписывает им целый ряд гностических мнений о Творце и Христе[20]. Правда, Ириней говорит здесь и о николаитах, и о церинфянах; но это еще одно доказательство близости первых с гностиками. В некоторых современных школах принято отвергать все эти свидетельства и заявлять, что никакой николаитской секты не существовало; что это ошибка всех Отцов, которые говорят о ней. Но в любом случае, нельзя относить текст св. Иринея[21] к валентинианам, как это хотел бы сделать современный автор. Несомненно, св. Иреней часто имеет в виду секту Валентиниан; но слово illi, которое хотят применить к ним, могло бы здесь обозначать только николаитов.

Согласно Тертуллиану, остатки николаитов слились с либертинистскими сектами гнозиса, вплоть до того, что образовали единую партию с каинитами.[22]

Это объясняет мнение Евсевия о недолговечности их школы.[23]

Однако С. Климент Александрийский все еще знал их[24], а С. Епифаний говорит о них как о гностической секте, которая должна была стать матерью нескольких других, например, фибионитов, левитов, милитаристов и собственно гностиков.[25]

Отсюда видно, как много ответвлений имела эта школа, которая никогда не существовала, но была известна Клименту Александрийскому, и насколько важной она казалась писателям второго, третьего и четвертого веков.

То же самое можно сказать и о другой секте, возникшей на основе секты Карпократа, театром которой был Запад. От имени ее основателя, Агапе, мы можем назвать этих диссидентов агапетами, чтобы не называть их маркосианами, которые спутали бы их с другой сектой с таким названием. Но в то же время их следует отличать от христианских девственниц, которых Церковь называла агапетами. Знатная испанская женщина

---

[19] Том I, с. 309.

[20] Iren, Adv. hæres, lib. III, p. 218, ed. Grabe.

[21] Eichhorn, Repertorium für bibl. u. morgenländ. Litt. St. XIV.

[22] Tertull, De præscript, c. 33.

[23] Евсевий, Hist. eccl., III, 29.

[24] Строматы, lib. II, 411; III, 436.

[25] Epiph, Hæres, XXV, 2.

по имени Агапе, по-видимому, сформировала эту школу под влиянием египтянина Марка.

Родившийся в Мемфисе и, вероятно, получивший воспитание в Александрии или Киренаике, Марк, которого следует отличать от нескольких других гностиков с тем же именем[26], отправился в Испанию за несколько лет до суровых мер, наложенных на его родину по приказу императора Феодосия.

Если верить Сульпицию Северусу, он был учеником Манеса и хорошо разбирался в магическом или теургическом искусстве тех времен.[27]

Согласно принципам, которые он разделял с Агапой и за которые она привлекла ритора Хелпидия, а позже знаменитого Присциллиана, его доктрина представляла собой смесь манихейства и гностицизма.[28]

Однако общество, основанное Агапом, следует отличать от секты, получившей свое название от Присциллиана, о которой нам придется говорить в другом месте. Агапе, похоже, осталась ниже многих прискиллианских взглядов и оказала в Испании своему другу Марку те же услуги, которые Марцеллина ранее оказала в Риме основателям карпократической школы[29].

В связи с основанием этой секты мы мимоходом скажем, что роль женщин в истории гностицизма столь же значительна, как и в истории самого христианства; что если святые женщины занимают внушительное место в первобытных анналах христианской веры и если влияние женщин сильно во все периоды существования этой религии, то они также занимают большое место в рядах диссидентов. Елена имела сильное влияние на Симона Мага. По преданию, жена Николая стала причиной николаитского раскола. Маркион стал главой известной школы благодаря роману, который изначально был мистическим, а впоследствии стал вульгарным. Филумена была своего рода Эгерией, которая передавала свои откровения Апеллесу. Марцеллина, оказавшая столь сильное влияние на гностиков, отправилась в Рим представлять их доктрины и обратила там большое количество людей.[30]

Маркосианцы льстили, прежде всего, женщинам, отличавшимся своим положением. Именно Флоре Птолемей особенно подробно излагал свою систему.

Несомненно, было бы легко приписать упомянутое нами явление совершенно вульгарным чувствам, и древние, не более чем современные, не были виноваты в том, что использовали менее чем благородные термины и оценки для женщин, прославленных в гностической пышности[31].

Но, с одной стороны, эти суждения и эти термины проникнуты жестокостью, которая заставляет нас принимать их за обвинения в ненависти; С другой стороны, поскольку одно и то же явление повторяется в большей или меньшей степени на протяжении всей истории христианского общества и поскольку именно благодаря влиянию женщин христианство утвердилось и распространилось наиболее быстро, то не справедливее ли признать, как для одних, так и для других, что нежные души принимают истины религии, даже когда они представлены в различных формах?

---

[26] См. выше, т. II, с. 106.

[27] Histor. sacr. lib. II, с. 46.

[28] In Hispania Agape Helpidium, mulier virum, cæсит cæca duxit in foveam, successoremque sui habuit Priscillianum. Иероним, Epist. ad Ctesiph.

[29] Irenæus, ed. Grabe, p. 101.

[30] Baur, 406.

[31] Иероним в Epist. ad Ctesiph. Feuardent говорит по этому поводу с большим энтузиазмом: Hieronymus id genus bestiarum catalogus, etc.

Мы должны добавить к историческому опыту, что дефектные формы не препятствуют самым искренним чувствам, а самые чистые принципы не защищают от самых плачевных последствий.

Мы считаем необходимым заметить по поводу Агапетов, что именно этот принцип, что все чисто для чистых, и принцип, что душа, достигнув определенной степени свободы от мира, уже не может привязаться к нему или впасть в него, сбил их с пути.[32]

Это те же самые принципы, которые впоследствии сбили с пути многих других мистиков и энтузиастов; это ни в коем случае не был вульгарный сенсуализм. Несомненно, этот сенсуализм, это прискорбное забвение небесной природы души, встречается в нравах Агапетов в такой степени, что историк обязан предать его заслуженному бичу; но их отправной точкой был спиритуализм, который был столь же экстатичен в своем источнике, сколь и катастрофичен в своих последствиях. Это была полная противоположность грубому материализму. Вскоре, если послушать обвинителей секты, она с неограниченной свободой разорвала узы брака. Однако эта связь является лишь предметом туманных обвинений, которые критики должны отвергнуть. На самом деле агапетов обвиняют в культе любви, встречах и ночных союзах, примером которых, как утверждается, был их основатель. Но это та же самая критика, которую Цельс и Иерокл постоянно обрушивали на самое чистое общество, которое когда-либо существовало, – на христиан в первые века. Поэтому мы должны относиться к ним с осторожностью.

Если допустить истинность всех приведенных фактов, то школа Карпократа будет плачевным явлением, как и все, что с ней связано в истории гностицизма, но не следует преувеличивать и распространять это на школы Маркиона, Василида и Валентина. Упрекать этих лидеров в доктринах николаитов, карпократиан и агапетов было бы так же несправедливо, как обвинять Сократа в принципах, исповедуемых киниками, эпикурейцами и киренаиками.

Более того, гностицизм оказывал и противоположное влияние, передавая совершенно аскетические тенденции.

В сектах, которые мы только что рассмотрели, сила гнозиса едва ли заметна, кроме как в умозрительной части их доктрин; другие покажут нам то же влияние в практической части. Там, скорее, преобладает гнозис ЗендАвесты и Каббалы, здесь – гнозис ессеев и терапевтов.

[32] Иероним, в Epistola 66 ad Ctesiphont. – Sulpicii Severi Hist. sacr. lib. II, p. 614, ed. Sigon. – Isidorus Hisp, De script. ecclesles, c. 2. – Augustinus, De hæres, c. 70 – Philastrius, De hæres, c. 61, 84.

Глава VIII. Аскетические секты. – Энкратиты и монтанисты

Гнозис, то есть наука, сам по себе не очень практичен. Ее излюбленная область – изучение интеллектуального мира, Плеромы. Именно там ей нравится находиться.

Однако, поскольку ее главная задача – достичь Плеромы, она обязана думать о средствах ее достижения, а поскольку эти средства по сути своей практичны или аскетичны, гнозис становится практичным и аскетичным. В самом деле, он должен научить нас разрывать цепи, связывающие нас с материей, бороться с чувствами, органами этой материи, и, наконец, освободиться, насколько это возможно, от их грубого господства.

Именно в этом смысле учение Зороастра, Платона и Филона было практическим и даже аскетическим.

Таким образом, аскетизм проявляется как в принципах, так и в последствиях гностицизма. Правда, несколько его школ сбросили это ярмо; в Иудее его первые лидеры, Симоны и Менандр, презирали практику; в Египте некоторые из его врачей, Карпократы и Продикусы, установили безнравственность как систему, и в целом египетский гнозис, в котором преобладал спекулятивный элемент и который соперничал с эрудированной Александрийской школой, не придерживался благочестивых строгостей аскетов; Но в целом аскетический элемент играл роль во всех гностических системах, и прежде всего в сирийских и малоазийских.

Именно этот элемент наиболее заметен в тех учениях, чья колыбель была близка к Сирии. Он особенно заметен в учении энкратитов, принадлежащих Сирии, и в учении монтанистов, принадлежащих Фригии; две школы, которые играют в христианстве первых веков ту же роль, что и терапевты Египта и ессены Палестины в угасающем иудаизме.

Мы упоминаем об этом обстоятельстве, чтобы напомнить о происхождении, поскольку принципы энкратитов или континенталов появились еще во втором веке нашей эры. Их школа разделилась и распространилась на различные ветви. Но самым верным их представителем является Татиан. Этот врач предлагает нам истинный образ своего времени, все тенденции и весь синкретизм первых веков. Он родился в Месопотамии в середине II века и изучал религиозную философию греков. Он также наблюдал за культами и мистериями различных регионов, по которым путешествовал с единственной целью – получить знания; но его любопытство не было удовлетворено; оно только утомилось, когда он прибыл в Рим. В то время туда стекались теософы из Египта, Сирии и Малой Азии, а также софисты из Греции; он последовал за ними, но, к счастью, он знал и труды христиан и перенял их идеи благодаря урокам святого Юстина, друга платонизма, которому он благочестиво помогал в его знаменитой дискуссии с философом Кресценсом.

Опровергнуть философа, столь враждебного христианским идеям, означало проявить чистоту учения и настойчивость. Однако после смерти Иустина Мученика Татиан покинул Рим и оставил учение этой Церкви. Это произошло примерно через двадцать лет после изгнания Валентинуса и Маркиона из той же общины, из которой он добровольно бежал. Он был добросовестным христианином, но сила, господствовавшая в его время, теософия гностицизма, которая управляла им как бы вопреки ему самому, привела его в страну, где Сатурнин и Бардесан учили этим мнениям с такой свободой, которую Италия не потерпела бы.

Прибыв в Сирию, он сразу же стал исповедовать свои доктрины с таким отличием, что даже его враги восхищались его справедливостью. По нашему мнению, он еще в Италии написал свое знаменитое «Рассуждение к грекам», единственное из его сочинений, дошедшее до нас, и все же это произведение уже несет на себе заметные следы его гностических взглядов. Опровергая греческих философов, Татиан в то же время был их учеником. Его идеи о единстве

Бога-отца и Бога-сына наполовину платонические, наполовину восточные, а теория эманации лежит в основе всех его рассуждений об этом великом догмате.[33]

Его гностицизм был еще более очевиден в его Евангелии; ибо, как и другие лидеры Иеронима Катала.

Большинство гностиков отдавали предпочтение одному из четырех канонических Евангелий или какому-нибудь апокрифу, Татиан составил для себя, под названием «Гармония Евангелий», кодекс с четырьмя великими отношениями Церкви. Этот труд утрачен, но от Феодорита мы знаем, что автор действовал почти так же, как Маркион, вырезая генеалогические таблицы Спасителя и все отрывки, в которых Иисус Христос назван сыном Давида[34].

Однако Сирия встретила это сочинение бурными аплодисментами, и Татиан, воодушевленный этим успехом, с такой же свободой отнесся к трудам святого Павла.

Затем он написал «Трактат о животных», который также утрачен, но который не был трудом по зоологии и, если я не ошибаюсь, был больше связан с метемпсихозом, антропологией[35] или даже пневматологией, чем с естественной историей.[36]

Татиан также опубликовал специальный труд по пневматологии и трактат «О совершенстве по типу жизни Иисуса Христа», трактаты, утрата которых тем более прискорбна, что в них мы, несомненно, нашли бы гностические вопросы.[37]

Несомненно, мы также увидели бы, что Татиан не раз встречался с Маркионом в своих «Библейских вопросах», если бы сохранился какой-то фрагмент.

Самые любопытные сочинения Татиана отсутствуют в наших исследованиях, но сведения святых Иринея, Климента Александрийского, Феодора, Епифания и Филастра в некоторой степени компенсируют это. Согласно этим знаменитым врачам, Татиан был последователем Валентиниана и Маркиона. Он принял теорию эманации, теорию эонов и теорию существования Бога, слишком возвышенного, чтобы позволить познать себя.

Однако этот Бог хотел проявить себя посредством неких Разумов, исходящих из его лона.

Первой из этих эманаций была его Пневма, которая была, так сказать, самим Богом, Богом мыслящим, Богом, замышляющим миры.[38]

Вторым было Слово, Логос, который уже не был просто мыслью или замыслом, но уже был творческим словом, проявляющим божественность, но исходящим из мысли или Пневмы.

Это была теория искусного мыслителя. Она предлагала Троицу – Отца, Пневму и Слово, чьи имена были ортодоксальными, но идеи – гностическими.

Поскольку Пневма все еще оставалась Богом, именно Логос Татиан считал истинным началом творений, перворожденным ангелом, автором видимого творения. Здесь он был согласен с откровением и гнозисом. Правда, он старался не давать Логосу имени Демиурга, столь дорогого теософам его времени; но он откровенно исповедовал вместе с ними, в связи с явлением Иисуса Христа, самый явный докетизм.

Его антропология также была антропологией гностицизма.

Согласно ему, душа имеет два начала, одно психическое, другое пневматическое. Сама по себе она не бессмертна. Если она не приходит к познанию истины, к гнозису, то погибает вместе с телом, которое она одушевляет. Если же ей удается соединиться с Пневмой, она получает небесные дары и возвращается в высшие места.

---

[33] Tatiani Oratio ad Græcos. Eusebii Hist. ecclesiae, IV, c. 16 и 29; V, c. 13; Illust. c. 29. – Epiphanii Hæres, XLVI.

[34] См. выше Евангелие от Маркиона, т. II, с. 243.

[35] См. выше «Василидиане», 1. IV.

[36] См. выше «Офиты», 1. IV.

[37] Tatiani Orat. ad Græcos, c. 24, 26, 62. – Clemens Alexandr, Strom, III, p. 547. Евсевий История Церкви, V, с. 13.

[38] Это Пневма-женщина (Энноя) гностицизма.

Изначально Пневма и Психея были едины, но вскоре первый был вынужден оставить спутницу, которая не желала ему подчиняться. Отделившись от Пневмы, хотя и сохранив остатки ее силы, Психея сразу же впала в заблуждение.

Она восстанавливается по справедливости, вновь соединяясь с Пневмой. Этот союз – ее счастье; он наполняет ее блаженством и просветлением; он открывает и позволяет ей раскрывать самые глубокие тайны.[39]

Здесь лидер энкратитов был уже не просто врачом, попавшим под влияние гностицизма, господствовавшего в его веке; он был гностиком, как и человек, который, подобно Бардесану и Сатурнину, хотел сохранить общину верующих в надежде рано или поздно привлечь их к своим учениям и практикам. Сирия, которая была столь же терпима к спекуляциям, как и Египет, простила Татиану его теории, но осудила их практические последствия и порицала его и его многочисленных последователей, когда он осмелился запретить брак, употребление мяса и вина, и вообще все удовольствия чувств, под предлогом высшего совершенства.

Чем больше энкратиты гордо объявляли себя врагами этих удовольствий, тем больше их современники мстили за их святость коварными речами о тайной морали этой школы.[40]

Вскоре энкратиты стали настолько многочисленны, что могли бы отвергнуть эти обвинения, если бы оставались едины; но они совершили большую ошибку: разделились на бесконечное число партий, из которых гидропарастаты, севериане, апотактиты и саккофоры были лишь главными.

Гидропарастаты, которые использовали воду вместо вина для празднования Евхаристии, в латинской церкви назывались акварианцами.

Северианцы получили свое название от имени Северия, ученика Татиана, считавшегося основателем отдельной секты[41] или вторым вождем энкратитов.[42] Он был близок к Маркиону в своей трактовке Священного Писания.

Из всех энкратитов апотактиты оказались под наиболее сильным влиянием гностицизма. Наряду с каинитами и карпократианами они отвергали всякий закон, всякий порядок (τάξις), установленный кодексами, всякий внешний институт морали, и особенно различие товаров.

Однако они отличались от карпократианцев в вопросе о браке. Не считая женскую общность подобной общине других благ, они аскетизмом запрещали размножение человеческого рода.

Более того, они были настолько чисты в теории и на практике, что изгоняли из своего общества любого мужчину, совершившего преступление. По этой причине они считали себя вправе называть себя чистыми, καθαροί, или апостольскими.

Как и гностики, они обладали некоторыми апокрифическими томами, которые предпочитали каноническим книгам. Это были Деяния Андрея и Фомы, которые идеально вписываются в их принципы целомудрия и, похоже, были составлены исключительно для того, чтобы рекомендовать прекращение брака или, по крайней мере, самое абсолютное целомудрие. Настоящим поворотом в драме или легенде о святом Фоме является появление Иисуса Христа, который приходит, чтобы призвать двух молодых супругов посвятить себя целомудрию. Эти Деяния полны гностических идей, песен и молитв.[43]

Из трудов Василия Блаженного мы видим, что эта партия существовала и в его время.

Саккофоры получили свое название от мешковины, которой они покрывали себя в качестве епитимьи. S. Василий также говорит о них.

---

[39] Tatiani Oratio ad Græcos, p. 153 ff, по произведениям Иустина M., ed. Col.

[40] Епифаний, Haeres, XLVI. – Buddeus, De Haeresi Valentin, p. 695.

[41] Ориген, коммент. в Epist. ad Roman. Opp. in vol. II, p. 618, ed. by Huet.

[42] Евсевий, История Церкви, IV, 29.

[43] См. Епифаний, Hæres, LXVI. – Prædestinatus, c. 40.

С этой линией может быть связано учение Юлия Кассиана, который считается иудаизирующим христианином из Александрии, воспитанным на изучении Филона, и который рассматривал Адама как тип душ, попавших в материальный мир.[44]

Как бы ни ослабли энкратиты в результате этих расколов, в IV веке они все еще были достаточно грозными, чтобы Феодосию пришлось издать против них три последовательных декрета, в которых они были осуждены во всех своих ветвях, наряду с манихеями[45]. Они распространились не только в Сирии, Месопотамии и Малой Азии, но даже в Галлии и Испании.

Влияние гностицизма у монтанистов менее заметно, чем у энкратитов, если оно действительно было, в чем приходится сомневаться. Однако Монтан вспоминает аскетические идеи Маркиона, так же как Татиан вспоминает идеи Сатурнина и Бардесана.

Монтана, фригийца, одаренного нефилософским умом, но мистическим и пылким воображением, больше волновала практическая сторона религии, то есть конституция, богослужение, дисциплина, мораль и аскетика.

Во всех этих отношениях основанная им община была, по его мнению, совершенной. Посты были строгими, вторые браки запрещены[46], покаяния суровыми, а исключения частыми. Цель была та же, что и у всех теософов: освободить душу от господства чувств. Но мелочность исполнения не соответствовала величию замысла. Вдовы и замужние женщины должны были покрываться вуалью при посещении богослужений, причем вуаль должна была закрывать всю шею и часть тела.[47]

В некоторых отношениях, и особенно благодаря своим убеждениям в тысячелетнем правлении, с которыми гностики с удовольствием боролись, монтанисты отдалились от гнозиса. Как и некоторые христиане-иудаисты, они были привязаны к мечтам хилиазма, вплоть до того, что считали город Пепуз, столь дорогой Монтану, своим небесным Иерусалимом.[48]

Отсюда происхождение их доктрины объясняется желанием бороться с чисто умозрительными направлениями гностиков.

Совершенно верно, что тенденции гностиков были в целом более спекулятивными, чем практическими; и что тенденции монтанистов были более практическими, чем спекулятивными. Верно и то, что самые замечательные произведения Тертуллиана, монтаниста Латинской Церкви, направлены против гностиков.

латинской церкви, направлены против гностиков. Однако неверно, что гностицизм вызвал монтанизм как некую антитезу. Если последняя из этих систем отходит от по сути спекулятивного гнозиса Египта, то она приближается к по сути практическому гнозису Сирии и Малой Азии. Несомненно, даже если между гностиками и монтанистами существовала антитеза, между ними была связь, и мы можем рассматривать некоторые из теорий последних как менее диссидентский гнозис. Если диссидентский гнозис имеет своим источником традицию, тайну, спекуляцию, экстаз и апокрифы, то монтанисты имеют Пневму, ту Пневму, которая уже была дарована в Ветхом Завете, которую автор христианства обещал сделать более чистой и обильной, которую Церковь надеется всегда сохранять, и о которой Монтан сказал, что он обладает ею в высшей степени, до такой степени, что может завершить христианские доктрины.[49]

---

[44] Clemens Alexandr, Strom, I, 320.

[45] Codex Theod. de hæret, lib. 7, 9, 11; см. комментарии Готофреда, т. VI, pars I, p. 135.

[46] Тертуллиан написал свои трактаты De Pudicitia и De Monogamia для борьбы со вторыми браками.

[47] Тертуллиан, De velandis virginibus.

[48] Евсевий, История Церкви, V, с. 16. – Епифаний, Hæres, XLVI, 47.

[49] Πνεῦμα, χάρισμα προφητικόν.

Действительно, по мнению монтанистов, откровения Высшего Существа и образование человеческого рода происходят по степеням. Ветхозаветные люди были в детстве, новозаветные – в отрочестве. Монтанисты же достигают совершенства только через откровения Пневмы.

Монтанисты привели свои откровения в гармонию с предшествующими. Они не вводили новшеств в догматику и стремились к превосходству только на практике. Однако они сблизились с гностиками, объединившись с несколькими женщинами выдающегося ума, к чьим предполагаемым откровениям они прислушивались. Прискилла, Максимилла, Перпетуя и Квинтилла играли с ними если не роль Елены-Проуники, то, по крайней мере, Агапы, Филумены и Марцеллины. S. Епифаний называет Максимилла, ἡ τῆς παρακολουθίας καί διδασκαλίας Γνῶσις.

Квинтилий принадлежал к секте каинитов или каинанитов[50]. Она боролась против крещения, как и некоторые гностики.[51]

Против монтанистов выдвигались обвинения, которые могли бы спутать этих благочестивых людей с атактистами и карпократианами. Их лидера упрекали в том, что он называл себя верховным богом, подобно Симону Гетеанскому; но это проявления современной ненависти, которой мы не должны ослеплять себя.

Верно и то, что монтанисты решительно выступали против гностиков. Кроме того, для более или менее полного возвращения в лоно Церкви им требовалось лишь некоторое количество писателей, подобных Тертуллиану. Во главе с такими писателями эта партия не только была бы исправлена, но и ее практические и позитивные тенденции успешно противостояли бы усилиям гностиков.

Однако наряду с этими позитивными тенденциями существовали энтузиазм пророчества, вдохновения и грезы хилиазма; и в этом отношении монтанисты вряд ли смогли бы уничтожить гнозис. Его уничтожили не столько ортодоксальный гнозис александрийских писателей, сколько регулярное учение Церкви и строгость византийских эдиктов. Верно и то, что гностицизм имел большее отношение к умозрительным школам, чем к практическим, и что он должен был оказать большее влияние на последние, чем на первые.

[50] Tertull, De baptismo.

[51] Theodoreti hæret. Fabul. lib. I, c. 10.

Глава IX. Спекулятивные школы. – Теодотианцы. Алогиане. – Праксеаты. – Ноэтиане. Сабеллиане. Ариане

Поскольку спекулятивные тенденции гнозиса были гораздо сильнее его аскетических тенденций, естественно полагать, что они больше импонировали школам, которые, как и он, стремились придать христианству тот дух, те формы и то богатство науки, которых, как казалось вначале, ему не хватало. Поэтому естественно ожидать, что гностицизм оказал сильное влияние на диссидентские доктрины, родившиеся в Александрии, Антиохии, Риме и Эдессе, центрах великих общин и знаменитых школ. Однако, не обнаружив такого влияния, мы едва ли можем найти какие-либо связи между гностиками и несколькими второстепенными партиями. Ни один из великих расколов этих веков, ни арианство, ни несторианство, ни евтихианство, не были вызваны гнозисом.

Феодотиане, алоги, праксеаты, ноаиты, сабеллиты и ариане столкнулись с гностиками только в своих претензиях на первобытную доктрину христианства и в своем несогласии с божественной природой Спасителя.

Однако мы отмечаем некоторые поразительные аналогии между их тенденциями и тенденциями гнозиса.

Действительно, если говорить в первую очередь о тех из этих школ, которые кажутся наиболее близкими к гностикам Сирии, то можно сказать, что основатель феодотианцев Феодот, прозванный Кожевником, отправился из Константинополя в Рим [около 192 года] с планами, подобными тем, что привели туда Сердона, Маркиона, Валентинуса и других лидеров гностицизма. Стремясь остаться в великой римской общине, он, как и они, утверждал, что только ему одному принадлежит истинная доктрина первобытного христианства, и, как и они, он изменил или отверг, согласно своим тайным традициям, некоторые писания священного кодекса, в частности Пятикнижие и книги пророков.

Его партия, которая никогда не была многочисленной, оспаривала божественность не Христа, а человека Иисуса, и презирала мученичество как нечто, что может быть достойно только в глазах суеверия[52].

Таково было мнение большинства гностиков.

Феодотиане были еще более близки к маркосианам в своей любви к аллегорическим вычислениям и древним математикам.

Одного из учеников этого Феодота, носившего то же имя, иногда путают с Феодотом Валентинианом. Такая путаница естественна, и если их следует отличать друг от друга, то они оба, по крайней мере, исповедовали гностические взгляды.

Феодот Младший, ученик Кожевника и сам прозванный Банкиром, связывал весь свой гнозис со священником Мелхиседеком, упоминаемым в книгах Моисея[53]. Он считал этого человека высшим духом, своего рода божественной силой (δύναμις). Он ставил его выше земного Спасителя и говорил, что в деле нравственного совершенствования он помогает ангелам, как Иисус помогает людям.

Мелхиседек, таким образом, в его глазах был небесным спасителем. Поэтому последователи Феодота назывались мельхиседеками.[54]

Из всех этих расколов небольшая секта артемонитов разделяла с мельхиседеками только их оппозицию к божественности Иисуса Христа. Как и гностики, они основывали свою оппозицию на истинном первобытном учении христиан, утверждая, что догмат о божественности

---

[52] Евсевий, Церковная история, V, 26.

[53] Бытие, гл. XIV, ст. 18.

[54] Epiph., Hæres, 54, 55 – Феодорит, Hæret. fab., II, c. 5, 6. Addit. ad Tertull. de præscript; c. 53.

Спасителя не содержится в апостольских учениях и что эти учения были изменены при папе Зефирине.[55]

Особая секта противников Логоса, алогиане, чье имя содержит эпиграмму, которой не пренебрегает православная церковь, сформировала такую же оппозицию божественности Иисуса Христа. Они отрицали, что земной Спаситель был Логосом, соглашаясь в этом вопросе с некоторыми гностиками, которые считали Логос небесным Спасителем.

Когда мы видим, как школы из разных регионов вместе протестуют против догмата, который Церковь поставила во главе всех остальных, у нас может возникнуть искушение отдать этим авторитетам больше заслуг, чем они заслуживают. Но когда мы видим, как алогисты вместе с гностиками прибегают к самым произвольным гипотезам, мы можем легко оценить ценность их свидетельства. Так, диссиденты, отвергавшие Евангелие и Апокалипсис святого Иоанна, чье учение противоречило их собственному, были настолько непоследовательны или невежественны, что приписывали Церинфу те тома, которые противоречили его учению в той же степени, что и их собственное.

Другой лидер партии, Праксеас, который, как и многие другие, прибыл из Малой Азии, чтобы заниматься догматикой в Риме, показал себя еще более приверженцем гнозиса, хотя и высказывался несколько менее резко против той же догмы. Он говорил, что Иисус был просто человеком, но при крещении Бог-Отец сошел на землю, чтобы соединиться с ним.

Это было именно то, чему учили гностики. Как и они, он проводил различие между видимым и невидимым Богом, но не делал их двумя разными существами, как некоторые из них; скорее, как и Симон, он учил, что Иисус Христос – это только Отец, явленный людям.[56]

Тертуллиан, который в своем трактате против Праксея боролся против этой теории, как он боролся в других местах против теории главных гностиков, уже указал на ее совпадение с некоторыми из их мнений.

Однако ученики Праксея, которые, по-видимому, были довольно многочисленны, если не в Риме, то, по крайней мере, в Африке, и особенно в Карфагене, куда этот лидер отправился из Рима, не восхищались вместе с валентинианами и другими теософами тем, что Бог, соединенный с человеком Иисусом в крещении, покинул его перед тем, как подвергнуться пыткам. Напротив, их порицали за учение, известное как патропассианство, или мнение, что сын настолько мало отличается от отца, что последний становится причастным к страданиям первого.

Следы гностицизма мы находим и в учении художника Гермогена, еще одного лидера партии, который осмелился поднять вместе с гностиками и платониками своего времени вопрос о происхождении зла. Правда, в этой дискуссии он, в противовес первым, показал, что система эманации, в конечном счете, делает Бога автором зла. Правда и то, что его теория материи, которую он связывал с космогонией Бытия, еще дальше отстоит от последней. Тем не менее, он соприкасается с гнозисом, уча, что если в мире существует зло, то это потому, что Бог не смог изменить порочную природу материи. Его идея хаоса, приведенного в движение, запечатлена Тертуллианом в очень вульгарном, но весьма живописном образе, который мы не будем пытаться передать на языке, где слово marmite не имеет даже благородства olla, и который мы представим на латыни: Inconditus et confusus et turbulentus fuit motus, sicut ollæ undique ebullientis.

Гермоген был не более чем полуплатоником и полугностиком в своей теории душ нечестивых и демонов, из которой он выводил происхождение материи, тогда как предшествовавшие ему софисты связывали происхождение первых, а зачастую и вторых, с самим божеством.

---

[55] Euseb, Hist. of the Church, V, 28.

[56] Filius Dei Deus est, et virtus altissimi altissimus est. Тертулл, Adv. Praxeam, c. 26.

Правда, Валентинус и некоторые другие считали материю матерью Сатаны, а следовательно, и матерью его детей-демонов.

Влияние гностицизма еще более очевидно в теориях Ноэта, особенно в его христологии.

Ноет не хотел ни учить о тождестве Отца и Сына, ни делать Сына творением Отца, и искал в двусмысленности терминов средство шокировать ни веру, ни разум. По сути, он говорил, что Слово, Логос, не было само по себе, как Разум и без плоти, истинным Сыном, но что оно было Словом и совершенным Моногеном.

Некоторые из образов, которые он приложил к этой теории, мало что сделали для ее прояснения; они лишь показывают, что он был хорошо знаком со стилем нескольких гностических школ. Используя язык маркосианцев, он называл Сына первым голосом Отца. Используя язык Зороастра, каббалистов и священных кодексов, которые также принял святой Афанасий, он называл его светом, исходящим от света. Используя терминологию мандаитов, он называл его водой, исходящей из источника. Наконец, похоже, что он также изучал митраистские и манихейские теории, потому что он по-прежнему называл его лучом, исходящим от солнца.

Естественно думать, что все диссидентские школы, искавшие более или менее рациональные решения сложных догм путем спекуляций, обращались к теориям гностицизма, и, найдя аналогии, легко прийти к выводу, что между ними существовала связь. Сабеллий, похоже, также был знаком с

теории гнозиса, особенно симонианской школы. Это сомнительно, однако, похоже, что он близок к ним в своей терминологии. Отец, Сын и Святой Дух были, по его мнению, лишь различными проявлениями одного и того же существа; в своих теологических гипотезах он использовал слово Δύναμις, которое особенно любили симониане. Подражал ли он гностикам, утверждая, что сам Иисус Христос открыл своим ученикам этот способ видения как глубочайшую тайну[57]? Думаю, да.

Другая секта, получившая имя недостойного епископа Антиохии Павла Самосатского, приняла некоторые гностические взгляды на очень сложный догмат о воплощении. Она также считала Иисуса Христа сыном Иосифа и Марии, но добавляла, что Слово, София или Ум Божий, одним словом, Nous гностиков, соединилось с человеком Иисусом, так что он мог называть себя и Сыном Божьим, и самим Богом.

Из всех этих сект, претендовавших на научность, больше всего мы удивимся, если увидим, что они следуют тенденциям гностицизма, – это секта Ария.

На самом деле этот тонкий богослов из Александрии, некоторое время преподававший в городе и, возможно, в школе, прославленной Оригеном и Климентом, которому посчастливилось стать основателем Александрийской церкви, был одним из самых известных богословов в мире. Климент, который стремился нести в доктрины своего времени факел критики и особенно полностью рациональной экзегезы, с трудом встретился с гностицизмом и был вынужден бороться с его последствиями, а также с его принципами. Неудивительно, что он должен был принять если не позицию Тертуллиана, то, по крайней мере, Оригена, который, как и он, был несогласен по некоторым вопросам. Арий не счел нужным играть эту роль, либо потому, что гностики Александрии были уже слишком ослаблены, чтобы он мог решиться на борьбу с ними, либо потому, что он не хотел отвлекаться от своей великой задачи – реформы господствующего учения о личности Иисуса Христа.

Однако некоторые идеи, выдвинутые Арием для разрешения давних вопросов о взаимоотношениях Отца и Сына, имеют определенное сходство с идеями гнозиса.

Среди тех, кто до сих пор пытался объяснить христологию, некоторые, следуя по стопам Зороастра и каббалистов, предполагали ряд эманаций, одни из которых были ниже других,

[57] Евсевий, Historia ecclesiae, VII, с. 6 – Епифаний, Hæres, LXII. – Феодорит, Hæretic fabul, II, 9.

но всегда обозначались термином вечные или эоны, и считали, что один из наименее несовершенных эонов сошел на человека Иисуса во время его крещения в Иордане.

Другие, следуя Платону или Филону, полагали, что Логос или София Божья соединилась с человеком Иисусом с самого его рождения.

Арий не хотел ни одной из этих теорий и, отвергая то, чему учили эбиониты и назареи, ноаиты и савеллиане, манихеи и гностики, избегая при этом слов «эон», «высший Христос» и «низший Христос», как и слов «Бог-сын» и «человек Иисус», называл Спасителя первым из творений, не исходящим от Бога, но действительно созданным, по единственной воле Бога, прежде времени и веков.[58]

Итак, эта единая теория творения составляет между Арием и гностиками одну из тех фундаментальных антитез, которые доказывают полное несогласие, но которые часто свидетельствуют о взглядах на опровержение или примирение между противоположными сторонами. Арий считал, что нашел способ удовлетворить и обезоружить всех участников борьбы. Ничто не было яснее его теории, и ничто, казалось, не отвечало лучше на все требования. Спаситель, согласно его учению, был одновременно достаточно высоко над людьми и достаточно близко к ним, чтобы быть посредником между ними и их Творцом.

Однако вопрос не был решен. В существующем виде он требовал точного объяснения божественной или человеческой природы Иисуса Христа; и Арий, избегавший в своей общей теории как гностицизма, так и ортодоксии, лишь в некоем промежуточном варианте нашел ответ Церкви, которая обвинила его в изменении ее веры.

По мнению Церкви, Иисус Христос имел ту же субстанцию, что и Бог[59]; по мнению некоторых раскольников, он имел ту же природу, что и человек. Арий принял теорию аналогичной природы[60].

Пришел ли он к этой теории через гнозис, согласно которому Спаситель всегда присоединен к Высшему Существу в результате довольно большого числа эманаций, или же его привели к ней одни лишь ресурсы его гения? Мы не знаем.

Достоверно то, что Арий сначала защищался от любого сближения с гностиками, отвечая по собственной воле на подозрение, которое, как он знал, возникнет вполне естественно. В самом деле, в письме, сохраненном святым Епифанием, он тщательно отличает свои взгляды от мнений Валентиниана, Манеса, Иеракса и Сабеллия, что доказывает, что он изучал их.

Еще более решающим представляется то, что в своей антропогонии он очень близко подошел к гностикам. «Когда Бог решил создать человеческий род, – говорит он во фрагменте своей „Талии“[61], – он создал существо, которое назвал Словом, Сыном, Софией, чтобы это существо дало существование человечеству. Это Слово, этот Логос – Ормузд Зороастра, Энсоф Каббалы, Νοῦς платонизма и филонизма, наконец, София или Демиург гностиков».

Арий также различал Софию-сына (низшую Софию) и высшую Софию.

Первая, по его словам, есть только в Боге; она присуща Его природе и не может быть передана никому.

Вторая же, через которую был сотворен Сын, была передана Ему, и именно за это Он сам заслужил имя Слова и Сына. Мы видим, что Арий заимствует здесь небесную Софию и земную Софию либо у некоторых гностиков, либо у более или менее мистических и диссидентских мнений своего времени. Если, таким образом, нельзя сказать, что он находился под влиянием гностицизма, и если, напротив, он боролся с его тенденциями, то, по крайней мере, следует признать, что он знал о них, и что эта система часто занимала его мысли.

---

[58] Socratis Hist. eccles. lib. I, c. 5, Sozomenis Hist. eccles. lib. I, c. 15. – - Theodoret, Fabul. hæret. lib. IV, c. 1. – Epiph, Hæres, LXIX.

[59] ὁμοούσιος.

[60] Ομοιούσιος.

[61] Афанасий, Orat. 11, contra Arianos, pag. 137 et passim.

Глава X. Аскетико-видовые школы. – Манихеи. – Теоретические принципы

Общая претензия всех диссидентов – иметь первичную и единственную ортодоксальную доктрину. Поэтому те секты, которые следовали исключительно аскетическому или спекулятивному направлению, в большинстве своем старались всячески замаскировать свое отпадение. И, как правило, они преуспели в этих усилиях до того, что более или менее быстро вернулись в лоно великой христианской общины.

С другой стороны, те, кто следовал как аскетическим, так и спекулятивным тенденциям гностицизма, даже преувеличивая их, отдалялись от Церкви настолько, что продолжали свое диссидентство до самого гностицизма и после него.

Таковы были на Востоке манихеи, а на Западе – прискиллиане, две секты, чьи доктрины сохранялись в течение всей борьбы и притеснений, постоянно возрождались в новых формах, то на Западе, то на Востоке, и лишь в конце концов угасли перед лицом возрождения философских и филологических исследований, начатого в тринадцатом веке и завершенного в пятнадцатом.

Как и монтанисты, манихеи сделали мораль или аскетизм основным предметом своей заботы. Однако они добавили самые смелые спекуляции в вопросах догматики. Мы находимся с ними на совершенно особой местности, и хотя вскоре мы увидим, как прискиллианисты выходят из египетского и сирийского гностицизма, манихейство ставит нас на ступень евфратианского гнозиса, то есть гнозиса, взятого из его первобытного источника.

Основатель секты Манес до принятия христианства жил среди волхвов Персии и отличился в их рядах своими обширными знаниями. Восточные писатели приписывают ему удивительные познания в астрономии, медицине, музыке и живописи.

С другой стороны, он, по-видимому, пользовался трудами Скифа, иудаизирующего каббалиста или гностика, который, должно быть, жил в его время и был знаком с доктринами Бардесана и Гармония. По мнению других, Скиф жил во времена апостолов; Теребинт или Будас отнес его труды в Ассирию, где с ними и познакомился Манес.[62]

Манес смог найти элементы гностицизма повсюду, как среди христиан Персии, так и Сирии; и где бы он ни получал семена своего учения, это учение полностью отличалось от того, что ему предшествовало. С этого момента вопрос о том, как он познакомился с египетским гностиком Скифом или каким-то учеником Бардесана, становится второстепенным.

Вероятность сообщаемых фактов об отношениях Манеса со Скифом и Бардесаном заключается в том, что они объясняют систему Манеса.

Однако эта система, объясненная теми, кого изучал ее автор, не похожа на них, и Манес не был бы ни отвергнут христианской церковью, ни преследуем при дворе Шапура, если бы он все же исповедовал собственную доктрину.

Но что послужило причиной его учения? Было ли это честолюбие? Эклектизм?

Вероятно, амбиции, самозванство и энтузиазм сыграли свою роль в его учении, но определить степень влияния каждого из этих элементов невозможно. Что касается его плана объединить самые могущественные верования своего времени – плана, который также приписывается Мухаммеду и который был бы более достоин современного ученого, чем перса или араба третьего или седьмого века нашей эры, – то он, конечно, не был мотивом для его спекуляций.

Существует множество древних источников и современных работ, посвященных этим рассуждениям. У нас есть сочинение Манеса под названием Epistola fundamenti[63]; послание

---

[62] Beausobre, Histoire du manichéisme, t. I, p. 26; Foucher, Mém. de l Acad. des inscript, t. XXXI, p. 449.

[63] Apud Augustin, c. Ep. fund.

Манеса, сохраненное святым Епифанием[64]; фрагменты других сочинений, собранные Фабрицием[65]; сочинение Фаустуса, сохраненное святым Августином[66]; опровержение Манеса, написанное Титом Бострским[67]; акты, несомненно, сильно измененные, но не полностью предполагаемые, о споре между Архелаем и Манесом6.[68]

Восточных писателей[69] можно сравнить с основными греческими авторами, Евсевием, Сократом, Кириллом Иерусалимским, Епифанием и т.д., о Манесе. Среди современных авторов наиболее обширные исследования этой доктрины посвятили Байль, Тиллемон[70], Вольф[71], Бособр[72], Мосхайм[73], Вальх[74] и Фуше.[75]

Источниками, из которых черпал Манес, были, несомненно, зороастризм, как он тогда преобладал в Персии; христианство, как оно было ему преподано; и гностицизм, как он появился повсюду в христианском обществе.[76]

Однако Манес приписывал себе и другие светила. Монтан называл себя вдохновленным Παράκλητος, возвещенным апостолам; Манес сам называл себя этим Параклетом. Слово Параклит он воспринимал в смысле врача, органа Божьего, а не в смысле Пневмы или Святого Духа. Знаменитое послание, в котором Манес изложил принципы своей системы (Epistola fundamenti), начиналось так: Манес, апостол Иисуса Христа, избранный Богом-Отцом. Это слова спасения, исходящие из живого, вечного источника».[77]

Как и большинство гностиков, он приписывал себе высокое превосходство над апостолами, которым Иисус Христос, по его словам, сначала решил послать Параклита, но которых впоследствии признал непригодными для последнего откровения, предназначенного для рода человеческого.

Как и гностики, Манес стремился очистить христианские доктрины, освободив их от изменений, которым они подверглись, и добавить к ним недостающее развитие. Как и гностики, он оценивал священные кодексы иудеев и христиан с точки зрения теософии, независимой от какой-либо критики, и, как и они, создавал кодексы в соответствии со своей собственной доктриной.

Он отверг весь Ветхий Завет как работу второстепенного божества. Из Нового Завета, который, по его мнению, был изменен иудаизмом, он сохранил только то, что соответствовало его цели.

Во время своего изгнания он составил Евангелие, которое дополнил аллегорическими рисунками и которое, по его словам, упало с небес.

Эти аллегорические рисунки напоминают рисунки каббалистов и Офитов, которым они, несомненно, подражали. Утверждается, что именно благодаря этому произведению, которое персы называют Эрсенки-Мани, Манес соблазнил царя Ормисдаса.

---

[64] Hæresis, LXVI.

[65] Biblioth. græc, vol. V, p. 284 sq.

[66] Contra Faustum.

[67] Canisius, Lect. antiq. edit. Basnage, vol. I, p. 50.

[68] Hippolyti Opp. ed. Fabricio, vol. II.

[69] Abulfarage, Hist. dynast, p. 82. – D'Herbelot, Bibl. orient, p. 548. – Pococke, Specimen hist. arab., p. 149. – Hyde, De relig. veter. Persar, p. 280. – Renaudot, Hist. patriarch. Alexandr. p. 40. – Георгий, Алфавит. Tibet. passim.

[70] Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique.

[71] Manichæismus ante Manichæum.

[72] Критическая история манихейства.

[73] Comment. de rebus christian, ante Constantinum.

[74] Historie der Ketzereien, vol. I.

[75] Mémoires de l'Académie des inscriptions, vol. XXXI.

[76] Среди более поздних работ по манихейству, появившихся в Германии, – том М. Баура.

[77] Августин, Contra Epist. fundam, c. 5.

Весьма вероятно, что при составлении этого кодекса он не ограничивался истинно евангельскими доктринами, как и в своем учении. Он понимал откровение в самом широком смысле и приписывал мудрецам и пророкам язычества столь возвышенные откровения, что предпочитал их откровениям иудеев.

Идея, доминирующая во всей его системе, – это пантеизм, который в большей или меньшей степени пронизывает все школы гнозиса, но который он почерпнул из других мест, и, несомненно, из его источника в регионах Индии и на границах Китая, по которым он путешествовал, чтобы удовлетворить свою страсть к теософским спекуляциям. По его мнению, причина всего сущего – в Боге; но, в конечном счете, Бог – во всем. Все души равны; Бог есть во всех них. Это одушевление не ограничивается людьми и животными; то же самое происходит и с растениями.[78]

Это пантеизм, но он модифицирован древним дуализмом Азии. Мы видим, – говорит он, – во всех земных существованиях: здесь зло, там добро. Бог добра не является автором зла, бог зла не является автором добра; это два независимых, вечных бога, главы двух разных империй. Они обязательно и по самой своей природе являются врагами друг друга.

Этот дуализм, которому не предшествует никакая идея монотеизма, примечателен. Он существенно отличается от учения Зороастра, в котором появляется идея неизвестного Отца, бесконечного бытия, безграничного времени, Зеруане-Акерене, которую Манес полностью отвергает.

В Персии две оживленные партии – ибо в богословии, как и в политике, фракции столь же яростны – оспаривали вопросы дуализма и тритеизма, укрытые неясностью Зенд-Авесты.

Одна из этих партий, магусы, поддерживала догму чистого дуализма. Именно к этой секте примыкал Манес. В то же время он сблизился с дуализмом Бардесана и с системой Маркиона о добром и злом боге. В его глазах это было согласие тем более желательным, что он больше любил Сирию, с которой его сближало место его рождения.

Определяя две империи и характеризуя двух богов, Манес проявляет себя как маг, зороастриец и гностик. Символ доброго бога – свет, а его владения – империя всего чистого; злой бог управляет империей зла и тьмы.

Согласно Зороастру и магам, принцип зла, Ахриман, – это деградировавший Разум, связанный с материей; в то время как, по мнению Манеса, злой бог, Сатана, – это просто гений материи.[79]

Здесь Манес очень близко сошелся с офитами и некоторыми другими гностиками. В то же время неясность, которую он допускал в отношении принципа зла, путая его с материей, защищала его от ортодоксов, которые упрекали его за догмат о двух столь разных богах. Манес боялся этих упреков тем больше, что не был очень ортодоксальным в собственно богословии, в догмате о Боге, явленном как Отец, Сын и Святой Дух.

Кроме того, Манес, полностью разделяя две империи, приписывал богу света огромное превосходство над богом тьмы. Для него один из них – истинный Бог, другой – лишь глава всего, что является врагом Бога, и, несмотря на все его усилия, он в конце концов уступает силе добра.

С этой фундаментальной точки зрения именно зороастризм признается в учении Манеса, ибо империя света, как в манихействе, так и в Зенд-Авесте, является единственной вечной и истинной, и единственной, пророком которой является Манес.

Эта империя – лишь великая цепь эманаций, все из которых связаны с Высшим Существом, Которое они проявляют; все они – лишь ОН в различных формах, избранный для еди-

---

[78] Theodoreti Fabul. hæret. lib. I, c. 26. – Epiphanii Hares, LXVI, c. 8 и 33. – Chrysostomi Opp. t. II, p. 363, ed. Benedict. – Hieronymi Opp. in vol. II, p. 370, ed. Venet. – Августин, De natura boni, c. 44.

[79] Сатана тождественен материи. Theod, Fabul. hæret, l. e. – Epiph, Hæres, LXVI, c. 14. Θεὸς καὶ ὑλὴ. 2 См. выше, т. II, с. 144.

ной цели – торжества добра. В каждом из Его членов скрыты тысячи невыразимых сокровищ. Превосходный в Своей славе, непостижимый в Своем величии, Отец прибавил к Себе благословенные и славные Эоны, чью силу и число невозможно определить[80]. Воистину, это Плерома, а это – Пневматики, Бог и род Божий Гнозиса.

Манихеи иногда говорили о двенадцати Эонах; но это была лишь голова тела, валентинианская додекада, поставленная перед армией небесных бойцов бога света. Двенадцать Эонов, несомненно, связаны с двенадцатью знаками зодиака; они – гении двенадцати созвездий, составляющих зодиак. Манес дал им имя оламин, что на иврите [алам][81]

Теория борьбы была сохранена Манесом во всей ее зороастрийской чистоте, ибо в его представлениях бог света и Сатана-материя являются врагами, как Ормузд и Ахриман.

Сатана-материя, глава темной империи, имел, как и бог света, армию эонов или демонов, исходящих из его сущности и подчиненных его приказам, более или менее отражающих образ их общего лидера, но разделенных между ними, несмотря на их аналогию, настолько, что в империи зла не существует гармонии.

Внутренняя война, вспыхнувшая в ее среде, привела к смешению с империей света. Эта война довела воюющих до пределов царствования просвещения. При виде этого края демоны, охваченные восторгом, немедленно приступили к его завоеванию. Но правитель небесной империи, видя опасность, поднимающуюся из тьмы, дает существование силе, которую он помещает на границе своих небес и которая должна защитить его Эоны и уничтожить область зла.

Она – Мать Жизни.

Эта Мать Жизни, которую мы находим в большинстве гностических систем, иногда под именем примитивной Мысли Бога, иногда под именем небесной Софии[82], – душа мира, божественный принцип, который косвенно вступает в контакт с материальным миром, чтобы исправить его злую природу. Однако, будучи прямой эманацией Высшего Существа, она слишком чиста, чтобы вступать в контакт с материей, и остается на границе высшей области. Но сын, который рождается от нее, который является ее образом, первый человек, которого Зенд-Авеста, Каббала, Гнозис и Сабеизм также предлагают нам как откровение божества [ибо он – Кайоморц, Адам-Кадмон, Πρῶτος ἄνθρωπος, Хивил-Зива], имеет природу, которая позволяет ему противостоять силам тьмы.

Предназначенный для борьбы с демонами и приведения их в лучшее состояние с помощью пяти чистых элементов [огня, света, воздуха, воды и земли], он начинает эту великую борьбу. Но, далеко не преуспев, он оказывается на грани того, чтобы самому попасть в царство тьмы, и спасается от гибели только благодаря живому духу[83], который добрый бог дарует по его просьбе, когда уже часть его брони, его свет, или, говоря более восточным языком, его сын, пожирается князьями тьмы вместе с большим количеством других душ, рожденных из света. Важное замечание о различиях между азиатской антропологией и греческой, которая является нашей собственной, заключается в том, что первая, более примитивная, гораздо смелее; что человек действительно привязан к небесам, и что его судьба так же велика, как и его происхождение; что он борется за возвышенную цель и ради божественных целей; в то время как вторая видит в человеке только существо, которое Бог создает без пользы, для удовольствия, и чтобы однажды даровать ему счастье по милости.

---

[80] Августин, Contra Epistolam fundamenti, c. 13.

[81] См. выше т. II, p. 49, Ср. Августини c. Epist. fundam, c. 13; Contra Faustum, 15, 5.

[82] См. выше, т. II, с. 135, 209.

[83] Ζῶν πνεῦμα. Ср. Acta S. Thomæ apostoli, p. 12.

Таким образом, последовательность первых существ империи света такова: благой бог, мать жизни, первый человек, сын первого человека (υἱός ἀνθρώπου) или Иисус Христос и живой дух.

Таким образом, Манес в этой теории далек от ортодоксальной троицы и еще дальше от зороастризма; он – ученик гнозиса; он собирается стать им еще больше.

Мать жизни, общий принцип божественной жизни, и первый человек, примитивное существо, раскрывающее божественную жизнь, слишком возвышенны, чтобы вступать в союз с царством тьмы. Сын человеческий, или душа мира, напротив, является ее пленником, или, скорее, он – зародыш божественной жизни, который, согласно языку гнозиса, проникает в эту империю и в конце концов закаляет и очищает ее дикую природу[84]. Вот как происходит эта необычная метаморфоза.

Живой дух, вернув первобытного человека в царство света, поднимает над миром ту часть небесной души, которая не пострадала от смешения с царством тьмы. Помещенная в область солнца и луны, эта чистая душа, этот сын человеческий, одним словом, этот искупитель или этот Христос, работает, чтобы освободить и привлечь обратно к себе ту часть света или души первого человека, которая была распространена в материю.

(В этой системе Христос путается с Митрой).

Освобождение небесного луча, излившегося в царство материи, и его возвращение в лоно совершенства составляют цель и судьбу всех видимых существований, всего течения мира. Когда эта цель будет достигнута, мир перестанет существовать. Но борьба эта трудна, ибо хотя божественный свет, льющийся на мир с высоты солнца, могущественен, джинны тьмы не менее грозны.

Чтобы бороться с гением солнца, притягивающего к себе все лучи света, и с постоянными попытками освободить души света, скованные материей, владыка тьмы создал существо, в котором он мог бы сосредоточить лучи света, поглощенные его эонами и постоянно стремящиеся вырваться наружу. Сами они уже отчаялись сохранить их и, пораженные красотой первобытного человека, которого они увидели сияющим с высоты солнечной области на империю тьмы, с радостью согласились передать его лучи вождю, чтобы тот создал из него человека по образу и подобию первого человека. Таков был Адам, истинный μικρόκοσμος, душа которого состоит из божественного света, тело – из материи, и который принадлежит «как к одной, так и к другой из двух империй».

[Эта антропогония является лишь модификацией антропогонии гностиков.][85].

Вопреки ожиданиям властителя тьмы, душа, чье происхождение было слишком возвышенным для тела, ее союзника, поначалу имела над ним преобладающую власть и уже собиралась слишком быстро освободиться от материи, когда демоны запретили ей есть плод познания добра и зла, благодаря чему она узнала о царстве света и царстве тьмы. Человек повиновался этой заповеди, но ангел света заставил его преступить ее и дал ему средство для победы. Для гностиков этот ангел света – добрый джинн Офис. К сожалению, демоны породили Еву, чьи чары привели Адама к чувственности, которая ослабила его душу, разделив ее, и вновь приковала его к материальной оболочке, от которой он собирался освободиться.

То, что произошло при первом сотворении человека, неизменно повторяется при рождении каждого другого смертного. Слепые силы материи и тьмы сливаются воедино и сковывают душу, стремящуюся к освобождению. Человек, скованный таким образом действием, которое дало ему существование, повторяет это действие, которое разделяет его душу и отдает ее, все

[84] В этих системах материального мира всегда следует проводить различие между материей или империей тьмы и ее правителем: империя тьмы первична и вечна; видимый мир – это творение.

[85] Августин, De natura boni, c. 46, copolit. c. 4 – Disputat. Archelai, S. 7.

более слабую, во власть чувств и прелестей земного мира». [Это мнение гностическое и особенно офитское].

Однако земной мир должен был служить совершенно иной цели. Добрый бог сформировал его духом жизни, чтобы человек нашел в нем театр, где он мог бы упражнять свои самые чистые способности и способствовать, победами над тьмой, великому триумфу небесной империи. Затянулась эта всеобщая борьба на неопределенный срок потому, что демоны, хотя и прикованные духом жизни к звездам, сохранили в мире достаточно власти, чтобы насылать на него много зла. Те из этих духов, кто остался на свободе, отвратили людей от поклонения Богу и через лжепророков создали религии, полные заблуждений, такие как иудаизм. Если бы люди знали, кто они такие и каково происхождение Адама и Евы, они бы возмущались смешением материи с душой; они бы боролись с делами чувств; они бы избегали тления и смерти[86]. Но сам закон, каким бы чистым он ни был для чистых, бессилен в них; они делают, как говорит святой Павел, зло, которого не хотят, и не делают добра, которого хотят.

Чтобы освободить душу, плененную тьмой, принцип света или гений солнца, которому поручено искупление (λύρωσις) интеллектуального мира, типом которого он является, ибо он, как Ормузд Зенд-Авесты, Тиккун Каббалы, Νοῦς Платона, все во всем[87], пришел сам, чтобы явить себя среди людей. Свет явился во тьме, но тьма не могла понять его, по словам святого Иоанна. Это потому, что Свет не мог соединиться с тьмой; он лишь принял облик человеческого тела и взял имя Христос, Мессия, чтобы приспособиться к языку евреев. Манес утверждал свой докетизм, более или менее похожий на Маркиона, цитируя некоторые факты, сообщаемые в Евангелиях; например, прохождение Иисуса среди иудеев, вооруженных камнями, чтобы побить его камнями.

Свет сделал свое дело, отвратив иудеев от поклонения злому принципу, а язычников – от поклонения демонам. Но правитель империи тьмы, опасаясь за свое дело, приказал иудеям распять Его. Иисус Христос, однако, пострадал только внешне, и цель его была достигнута, ибо его смерть предлагает всем душам символ их освобождения, идея, которая также выражена в апокрифическом произведении под названием Περίοδοι ἀποζόλων, где в нескольких отрывках говорится, что смерть на кресте – это символ освобождения души[88].

Личность Иисуса исчезла, на ее месте появился крест из света, над которым небесный голос провозгласил такие слова: Крест из света называется Логос, Христос, дверь, радость, хлеб, солнце, воскресение, Иисус, Отец, Дух, жизнь, истина, благодать[89].

Но все это делалось только для толпы.

Совершенные или избранные возвышались над этими идеями и деноминациями, к которым примыкали только вульгарные люди.

---

[86] Epistola fundamenti, apud Augustinum.

[87] Cf. Thilo, Acta S. Thomæ apostoli, p. 10.

[88] См. Harduini Acta concil, vol. IV, p. 666 и 667.

[89] Epistola fundamenti. – Evodius, De fide, c. 28. Александр Ликопольский, c. 4. in Combefisii Auct. bibl. patr. – Augustinus, Contr. Faustum, lib. XXXII.

Глава XI. Продолжение. – Практические принципы. – Учреждения. – Продолжительность

Как и догматика, мораль манихеев существенно различается для класса вульгарных и избранных. Это мораль сирийского гностицизма: отречение от всего, что может льстить телу, которое является тюрьмой для души, воздержание от всех тех удовольствий чувств, которые гасят в нас небесный свет; глубокое презрение к браку, который ослабляет и разделяет его лучи.

Однако эта абсолютная борьба с материей была навязана только совершенным. Больше свободы предоставлялось катехуменам или слушателям, которым разрешались удовольствия, но и для которых учение школы было ограничено под покровом символов и аллегорий. Многие труды Манеса были написаны для простого народа, ведь массы нужны везде.

Более того, вульгарные представители манихейского гнозиса могли в свою очередь стремиться к тайнам посвящения и судьбам избранных. Святая и чистая жизнь освобождает душу от всех земных привязанностей, делая ее достойной того, чтобы после смерти из своей земной тюрьмы попасть в область Луны, где она в течение пятнадцати дней очищается в великом озере. Это ее крещение небесной водой.

Оттуда она попадает в область солнца, где освящается огнем; это ее крещение небесным огнем.

Допущенная к тесному общению с Искупителем, пребывающим в солнце, и с небесными духами, она больше не испытывает трудностей при восхождении с ними в царство света; она больше не сожалеет и не возвращает себе тело, от которого была счастлива освободиться. С другой стороны, душа, все еще запятнанная земными удовольствиями, возвращается в другие тела, чтобы снова начать свой путь очищения. Все души могут сделать эту карьеру, и все, что приходит из империи добра, должно вернуться в нее через освящение. Когда придет время, князья тьмы будут заперты в своих жилищах; материя, лишенная всякого света и всякой посторонней жизни, будет сведена огнем к мертвой массе, а души, позволившие себе обольститься тьмой, сделавшиеся друзьями огненного духа (Нашего гения), будут вынуждены охранять его!

Это нововведение против парсизма, и оно все же сделано по следам и, следовательно, под влиянием гнозиса. В системе Зороастра есть первобытная гармония и конечная гармония. Ахриман, изначально чистый Разум, окончательно очищается в потоке металла и вновь занимает свое место среди ангелов света. Подобный палингенез встречается и в некоторых гностических доктринах; в других, напротив, Демиург и Психея, Сатана и Гилики навсегда исключены из Плеромы и переведены в места, достойные их состояния.

Именно эту доктрину, модифицированную гнозисом, предпочитал Манес. Оно сближало его с христианством, а возможно, и с древним магизмом, который он, похоже, часто предпочитал реформе Зороастра. Действительно, в противовес Зороастру Манес учил чистому дуализму, без монотеизма; вечности материи; абсолютной порочности материи; невоскресению тела и вечности дуализма. И по всем этим пунктам он, похоже, предпочитал древние верования волхвов, которые сохранялись в некоторых регионах древней империи Персии, несмотря на реформу Зороастра, принятую и поддерживаемую двором.[90]

Манес не гнушался иногда подчиняться Церкви. Если он считал необходимым усовершенствовать свои доктрины, он отдавал дань уважения ее установлениям и хотел видеть их в первобытной чистоте. Его последователи назначили двенадцать апостолов и семьдесят два епископа. Чиновникам второго ранга они присвоили титулы старейшин и диаконов. Они считали себя братьями и поддерживали друг друга в этом качестве.

---

[90] Ср. Hyde, Hist. relig. veter. Persarum, p. 163. Brucker, Hist. critic. philos. t. I, p. 174.

Эти христианские настроения и институты, несомненно, в не меньшей степени, чем их учение, способствовали быстрому распространению их секты.

Однако манихейство менялось в руках самых преданных последователей. Манес выдавал себя за Параклита, и его первые ученики, похоже, уважали это мнение. Более поздние последователи, напротив, путали его с Христом, Солнцем-Митрой, Зороастром, реформатором Персии, и Буддой, реформатором древнеиндийской доктрины. Таким образом, они пришли к убеждению, что авторы самых известных религий были всего лишь различными воплощениями одного и того же солнечного гения, а все религии – разновидностями одних и тех же принципов.[91]

Несмотря на эти различия, манихеи быстро распространились по всему Востоку и Западу. Это было благоприятное для них время, когда наиболее образованные поколения склонялись к древним теориям Востока, преобразованным в новые философии. Длительные и, так сказать, всеобщие гонения, которым подвергались манихеи со стороны царей Персии[92], языческого Рима[93] и христианского Рима, возможно, рассеяли эту секту и парализовали ее прогресс; но в течение веков ничто не было достаточно сильным, чтобы уничтожить ее саму. Объединенная на Востоке с сирийским гнозисом, на Западе с египетским гнозисом, она сохраняла себя на Востоке и на Западе, то тайно, то открыто, и часто появлялась вновь в Средние века, то в Италии, то во Франции, то в других странах.

Считалось, что Средние века ошиблись, дав название «манихеи» тем, кто время от времени пытался подменить догматы и установления Церкви странными умозрениями и не менее странной моралью. Более внимательное изучение показало, что на самом деле именно элементы манихейства породили эти движения в разгар оцепенения варварских веков.

В истории доктрин этих веков особого внимания заслуживает одна секта, которой, казалось, на мгновение суждено было сыграть на Западе ту же роль, которую манихеи играли на Востоке, но которая вскоре погибла. Я имею в виду прискиллианцев.

---

[91] Herbelot, Biblioth. orientale, Manichéisme. Sylvestre de Sacy, Mémoires sur diverses antiquités de la Perse.

[92] Прошение Манеса по приказу Бехрама I, около 274 года, после своего рода совета волхвов, который осудил его.

[93] Эдикт Диоклетиана, 295 год. Ср. Иларий, in secundam Epist. P. ad Timoth, III, 7.

Глава XII. Присциллианисты

В этой секте, самой известной из всех общин, вышедших из манихеев, мы видим древнюю восточную теософию, модифицированную египетским гнозисом, как сам манихейство представляет ее модифицированной гнозисом Сирии.

На самом деле, прискиллианцы с самого начала имели связи с некоторыми гностиками, особенно с учениками Агапета. Именно поэтому Сульпиций Северус[94] называет учение прискиллианистов гностической ересью[95]. Их лидер, Присциллиан, был учеником Хелпидия. Он также был учеником Агапа, которого египтянин Марк посвятил в тайны антиномического гностицизма, царившего в Киренаике и, похоже, в Мемфисе со времен Карпократа.

Мы уже говорили, что Марка Мемфисского часто путают с Марком Палестинским. Пример такой путаницы, кажется, привел святой Иероним. Этот автор сообщает, что гностики соблазняли с помощью Марка сначала богатых женщин Галлии, а затем Испании[96]. Согласно святому Иринею, именно секта Марка Валентиниана, а не Марка Мемфисского, распространилась на берегах Роны. С. Иероним, следовательно, ошибается в этом вопросе.

Однако не исключено, что Марк Мемфисский посещал Галлию; связь между Александрией и Марселем была не сложнее, чем с Барселоной, а ученики Марка, прискиллианисты, несомненно, пользовались успехом у женщин южной Галлии, в том числе у дочери поэта Дельфидия, которых они привлекли к своим идеям. Сульпиций Северус рассказывает.

Присциллиан был эрудированным человеком, любителем философских дискуссий[97], немного тщеславным, с юных лет питавшимся магическими искусствами, по словам Сульпиция Севера[98]. Мы можем видеть у С. Жерома, что подразумевается под магическими искусствами (artes magicas). Это таинственные доктрины Востока. Priscillianus Zoroastris magi studiosissimus, говорит святой Иероним[99]. Эпитет magus, который этот писатель дает Присциллиану, обозначает человека, сведущего не в магии, а в философии волхвов, в древней философии Персии, в учениях Востока. Присциллиан, ученый этого гнозиса, не стал слепо принимать гнозис Мемфиса; напротив, он основал секту, отличную от секты Агапетов.

Правда, Присциллиан, получив наставления от женщины, сначала обратился к знатным женщинам своей страны; но это было лишь средством быстрее сформировать партию[100]

[94] Hist. sacra, II, S. 61.

[95] См. выше, Маркосианцы.

[96] Иерон, в Исаии, с. 44.

[97] Disserendi ac disputandi promptissimus. Sulp. Sev.

[98] Magicas artes ab adolescentia eum exercuisse creditum

[99] Hieronym, Adv. Pelag. ad Ctesiphontem.

[100] Mulieres novarum rerum cupidæ. Sulp. Sev.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.